

Сейчас я в «стопылине», в де- вятм «загоне». Мой «загон» без окон, но с дверью железной, тол- стой, а перед дверью — внуши- тельная решетка. В других «купе» нет дверей, просто решетки вместо них, а в моем — и решетка, и металлическая дверь, потому что это — «стопылинский» изолятор. Того, кто, по мнению охраны, ве- дет себя плохо, сажают в девятый «загон», плотно закрывают дверь и пускают дым, чтобы «непослуш- ный» успокоился, — так мне рас- сказывал охранник-таджик. В ва- гоне все мужчины, женщины — я одна, поэтому меня и определили в узкий девятый «загон». Премер- зкое «купе», но у меня с собой ог- ромный целлофановый мешок, в котором я и живу. Со мной — кни- ги, дневники, письма, буханка мо- рого хлеба и ржавая селедка. Буду читать, думать, вспоминать и дви- гаться в Ростовскую область, в местечко «Садки» — на поселение. Симпатичные фантазии меня ок- ружают, когда я думаю о «Садках».

Сейчас январь 1987 года. Потихоньку движемся к Воронежу. Сто- им на каких-то заброшенных пу- тях по девять часов. Остановимся в Воронежской тюрьме. На сколько - неизвестно. Потом двинемся к Ростову с останков в Ростов- ской тюрьме. На сколько — тоже неизвестно. Чужая-то! Зачем меня везти на поселение в мрач- ном вагоне под конвоем? Почему нас, четверых узников, сопровож- дали к «стопылину» около двад- цати конвоиров с собаками и ав- томатами?

Нас, четверых, привезли в «во- ронку» к станции, где мы всю ночь ждали прибытия «стопылина». Меня упрятали в боксик — крошеч- ный жестяной «стакан». Летом он плавится от жары, зимой изнутри покрыт инеем. Ночь выдалась зло- ще-холодной. Боксик от инея весь серебрился под луну.

В другом отсеке, называемом «обезьянник», — трое мужчин: ма- лосенький старичок; огромный человек, у которого вместо лица — абсолютный треугольник, он был в наручниках; и «звездный маль- чик» — Юрочка Кузнецов. Почему «звездный»? Оказывается, он из другого созвездия к нам прилетел, из созвездия «Алкивиад». Надо же... Неужто увлечен Алкивиадом — учеником и другом Сократа? Говорит, что его любимые девоч- ки — это звездочки и что у него скоро будет много детисек — но- вых звездочек. Сидит Юрочка по- стая — наркомания. Куда дви- жется — ему неведомо, да и все равно ему, где быть на Земле. Печалится, что здесь всех и вся погубила зависть. Он говорит, го- ворит, а разговор его сопровож- дает ритмичный звук — постуки- вание зубов. Меня тоже колотит. Конвоир хоть и в тулупе, а все рав- но весь съезжил.

Наконец прибыл «стопылин», и нас повели к шлагбауму, а вокруг огромное кольцо охраны. Громко и сердито лают собаки. Автоматы на взводе. А мы еле передвигаем озябшие ноги. Некоторые конво- иры покрикивают на нас. Они тоже устали, дожидаясь «стопылина». Верзла, с лицом-треугольни- ком, в наручниках, пристегнут к молоденькому милиционеру. Ми- лиционер, по всей вероятности, каристит. Ни с того ни с сего он вдруг бросил ногу к небу; верзла поскользнулась, упал и вместе с собой увлек молоденького ми- лиционера-каристита. Поднялся пе- реполос черной конвоира. Бьют вер- зилу, бьют больно, а каристит кри- чит: «Руку! Руку!» Фантазмагория, да и только!

В «стопылине» очень душно, на- родно уйма, в двух первых «купе» малютки галдят. «Звездный мальчик» где-то рядом, поет на свой манер песни Володи Высо- цкого:

А которых повело, повлекло По лихой дороге — Тех ветрами сволокло Прямоком в остроги...

Слушая, достала свою сумку, которую мне сшили в колонии, от- крыла папку и увидела черновики моего письма к Горбачеву:

«Обращаюсь к Вам, дорогой Михаил Сергеевич, как к главе государства, с которым связа- ны светлые надежды Справде- ливости; обращаюсь к Вам и как к юристу. Я отбываю нака- зание за умышленное убийство по 103-й статье. До случив- шегося я была актрисой Театра им. Егг. Вахтангова. В 1978 г. погиб Станислав Жданько, с которым мы вместе жили. Че- рез пять лет (т.е. в 1983 г.) меня арестовали и обвинили в его убийстве. После судебного процесса, который вел народ- ный суд Ленинского р-на г. Москва, меня приговорили к девяти годам лишения свобо- ды. В мае 1985 г. Мосгорсуд оставил мне срок пять лет, частично удовлетворив прось- бу Прокуратуры СССР, которая ходатайствовала о снятии мне срока до трех лет. Я благодар- на Прокуратуре СССР, которая не оставила без внимания моего дела.

«Обращаюсь к Вам, дорогой Михаил Сергеевич, как к главе государства, с которым связа- ны светлые надежды Справде- ливости; обращаюсь к Вам и как к юристу. Я отбываю нака- зание за умышленное убийство по 103-й статье. До случив- шегося я была актрисой Театра им. Егг. Вахтангова. В 1978 г. погиб Станислав Жданько, с которым мы вместе жили. Че- рез пять лет (т.е. в 1983 г.) меня арестовали и обвинили в его убийстве. После судебного процесса, который вел народ- ный суд Ленинского р-на г. Москва, меня приговорили к девяти годам лишения свобо- ды. В мае 1985 г. Мосгорсуд оставил мне срок пять лет, частично удовлетворив прось- бу Прокуратуры СССР, которая ходатайствовала о снятии мне срока до трех лет. Я благодар- на Прокуратуре СССР, которая не оставила без внимания моего дела.

«Обращаюсь к Вам, дорогой Михаил Сергеевич, как к главе государства, с которым связа- ны светлые надежды Справде- ливости; обращаюсь к Вам и как к юристу. Я отбываю нака- зание за умышленное убийство по 103-й статье. До случив- шегося я была актрисой Театра им. Егг. Вахтангова. В 1978 г. погиб Станислав Жданько, с которым мы вместе жили. Че- рез пять лет (т.е. в 1983 г.) меня арестовали и обвинили в его убийстве. После судебного процесса, который вел народ- ный суд Ленинского р-на г. Москва, меня приговорили к девяти годам лишения свобо- ды. В мае 1985 г. Мосгорсуд оставил мне срок пять лет, частично удовлетворив прось- бу Прокуратуры СССР, которая ходатайствовала о снятии мне срока до трех лет. Я благодар- на Прокуратуре СССР, которая не оставила без внимания моего дела.

«Обращаюсь к Вам, дорогой Михаил Сергеевич, как к главе государства, с которым связа- ны светлые надежды Справде- ливости; обращаюсь к Вам и как к юристу. Я отбываю нака- зание за умышленное убийство по 103-й статье. До случив- шегося я была актрисой Театра им. Егг. Вахтангова. В 1978 г. погиб Станислав Жданько, с которым мы вместе жили. Че- рез пять лет (т.е. в 1983 г.) меня арестовали и обвинили в его убийстве. После судебного процесса, который вел народ- ный суд Ленинского р-на г. Москва, меня приговорили к девяти годам лишения свобо- ды. В мае 1985 г. Мосгорсуд оставил мне срок пять лет, частично удовлетворив прось- бу Прокуратуры СССР, которая ходатайствовала о снятии мне срока до трех лет. Я благодар- на Прокуратуре СССР, которая не оставила без внимания моего дела.

«Обращаюсь к Вам, дорогой Михаил Сергеевич, как к главе государства, с которым связа- ны светлые надежды Справде- ливости; обращаюсь к Вам и как к юристу. Я отбываю нака- зание за умышленное убийство по 103-й статье. До случив- шегося я была актрисой Театра им. Егг. Вахтангова. В 1978 г. погиб Станислав Жданько, с которым мы вместе жили. Че- рез пять лет (т.е. в 1983 г.) меня арестовали и обвинили в его убийстве. После судебного процесса, который вел народ- ный суд Ленинского р-на г. Москва, меня приговорили к девяти годам лишения свобо- ды. В мае 1985 г. Мосгорсуд оставил мне срок пять лет, частично удовлетворив прось- бу Прокуратуры СССР, которая ходатайствовала о снятии мне срока до трех лет. Я благодар- на Прокуратуре СССР, которая не оставила без внимания моего дела.

«Обращаюсь к Вам, дорогой Михаил Сергеевич, как к главе государства, с которым связа- ны светлые надежды Справде- ливости; обращаюсь к Вам и как к юристу. Я отбываю нака- зание за умышленное убийство по 103-й статье. До случив- шегося я была актрисой Театра им. Егг. Вахтангова. В 1978 г. погиб Станислав Жданько, с которым мы вместе жили. Че- рез пять лет (т.е. в 1983 г.) меня арестовали и обвинили в его убийстве. После судебного процесса, который вел народ- ный суд Ленинского р-на г. Москва, меня приговорили к девяти годам лишения свобо- ды. В мае 1985 г. Мосгорсуд оставил мне срок пять лет, частично удовлетворив прось- бу Прокуратуры СССР, которая ходатайствовала о снятии мне срока до трех лет. Я благодар- на Прокуратуре СССР, которая не оставила без внимания моего дела.

«Ночной звонок», «Ради жизни на Земле»... Заверю, что отдавала свое сердце лю- бимой работе, такой нужной и полезной.

Из теперешней жизни, из те- перешнего моего мучительно- го заключения я не вынесу злого сердца, напротив, я стала понимать многое, у меня было достаточно времени, чтобы пересмотреть мою пре- жнюю жизнь и быть строгим судьей над негативными ее сторонами. Несмотря на горе, постигшее меня, я не пала ду-

Иду по коридору мимо пассажи- ров нашего необычного вагона. Я уже многих знала по голосу, а сей- час увидела. Кричат.

— Молодец Валюшка! Медлен- нее иди! Мы на тебя посмотрим! Все повернулись ко мне. Разгля- дывают. Я иду медленно.

Господи! Кругом клетки. А в них мучаются люди. Всех стало жаль. Больше никогда не пойду в зоо- парк. Страшна неволя.

В одном из «купе» в середине вагона, прижав к решетке, смот- рел на меня человек с прекрас- ным, умным взглядом.

«Сумасшедшая, бешеная кро- вавая муть! Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам? Проведите, проведите меня к нему.

«Я хочу видеть этого человека. Я чуть не упала со стула от не- ожиданности. Было очень смеш- но: он, сначала робкий перед до- ктором, вдруг сорвался и понесся по стиху, подражая Есенину, ко- торого много раз слушал в запи- си. Аудитория маленькая, а Ста- сик надрыдается: «Я три дня и три ночи искал ваш умет...»

«Сумасшедшая, бешеная кро- вавая муть! Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам? Проведите, проведите меня к нему.

«Я хочу видеть этого человека. Я чуть не упала со стула от не- ожиданности. Было очень смеш- но: он, сначала робкий перед до- ктором, вдруг сорвался и понесся по стиху, подражая Есенину, ко- торого много раз слушал в запи- си. Аудитория маленькая, а Ста- сик надрыдается: «Я три дня и три ночи искал ваш умет...»

«Сумасшедшая, бешеная кро- вавая муть! Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам? Проведите, проведите меня к нему.

«Я хочу видеть этого человека. Я чуть не упала со стула от не- ожиданности. Было очень смеш- но: он, сначала робкий перед до- ктором, вдруг сорвался и понесся по стиху, подражая Есенину, ко- торого много раз слушал в запи- си. Аудитория маленькая, а Ста- сик надрыдается: «Я три дня и три ночи искал ваш умет...»

долго соображал, что делать даль- ше.

«Доктора зовите! — беспокоил- лись «братишки».

«Доктора нет, — ответил пра- порщик.

«Братва» сердилась.

«Гражданин начальник, — по- просила я прапора, — можно вас на минутку? Пожалуйста, сделайте ему крепкий чай с сахаром, налей- те капель, у меня корвалол есть, и угостите его сигаретой. У него курить нечего. Он очень просил.

«Прапор грустно и недовольно посмотрел на меня и, не сказав ни слова, ушел.

Юрочку перестал бить припадок, но он стонал жалобно и протяжно.

«Я была уверена, что прапорщик обязательно поможет Юре. Но как долго он не идет! Наконец-то! Принесли чай, капли и сигареты.

«Юра выпил капли. Потом затя- нулся сигаретой и хлебнул чайку.

«Ну вот, молодец! — хвалили Юру соседи.

«Один из них был препротивным. Он целый день зло бубнил, а сей- час совсем разворчался:

«Может быть, мне хуже, чем ему, а никому ни х... нет дела до меня. Никто мне ни х... чаю не предложит.

«А потому что ты — чайник, а как чайнику чай предлагать? — засмеялся один из соседей.

«Вагон оживился, и Юрочка тоже, слава Богу, засмеялся.

«Мы едем-едем-едем в далекие края, едем вот уже третий сутки. Утомительно. Болит все тело: ле- жак голый, пол грязный, стены черные. Душно. Хочется есть и пить. Хочется выйти из этой от- вратительной клетки. Только «братва» иногда веселит. Прав Достоевский, что арестанты во многом совершенные дети. И еще у Федора Михайловича: «Ведь этот народ — необыкновенный народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. И дальше: «Но погибли даром мо- гучие силы, погибли ненормаль- но, незаконно, безвозвратно». Что тут добавишь?

«Через некоторое время пришли два солдата как «пушкани», от- крывают меня.

«Выходи! С тебя начнем.

«Но мне не надо «с меня». Если с меня, Дмитрий не будет готов к моему проходу.

«Почему с меня? Володя улыбается. Определен- но — нас с Дмитрием заложили.

«Мне пришлось подчиниться. Вышла. Увидела «звездного маль- чика».

«Устала? — спросил он.

«Устала. Как ты себя чувству- ешь, Юрочка? — стараюсь гово- рить громко, чтобы Дмитрий услы- шал.

«Но конвоир Володя закричал: — По коридору — быстро!

«Я не послушалась. Наоборот, проходила мимо «купе» Дмитрия, канюлась к решетке. Дмитрий вскинул, но меня тут же увели. На обратном пути Володя заслонил Дмитрия, который прижался к ре- шетке. Грустно стало. До слез.

«Пришла. Открыла Марка Апре- лия, его сочинение «Наедине с собой», но читать невозможно, плохо виден текст. Стала думать о театре Вахтангова. Хорошее вре- мя нам досталось, театральное. Билетики на спектакль спрашива- ли по всему Арбату: от ресторана «Прага» с одной стороны и от Смо- ленского гастронома — с другой. Как теперь в театре? Какой зри- тель нынче? Какой герой на сце- не? Уверена — скоро зрители ну- жен будет романтический герой. Люди захотят уйти от житейского реализма. Мне посчастливилось знать великих вахтанговцев, рабо- тать с ними. Но господин случай сам знает свои права и разлучил меня с любимой сценой.

«Все. Надо постараться заснуть. Сон приснился потрясающий! Иду я по полю, нежым от цветов. Иду к склону. Разбегаюсь и... лежу! Вы- соту набрала быстро, молча бы выше подняться, не стала: не уви- дела бы земли. Небо золотисто- малиновое, а внизу земля в зеле- ных кудрях: над лесом вижу пре- ламурную полосу, вдалеке — река, наверное. Чувственное, ви- зуальное наслаждение, ни с чем не сравнимо, посещает в таких снах. Если бы меня спросили — что вас удивляет в жизни? Я бы ответила: «Сон и Явь».

«Проснувшись.

«Который час? — спрашиваю у нового конвоира.

«Не ответил.

«Захлопали двери вагонов. Засы- тились конвоиры. Бегают по ва- гону туда-сюда. Приближаемся к Воронежу. Резкая остановка. Пра- порщик кричит кому-то:

«Подгоните машины поближе! Вместе с облаком пара ввалива- ются в вагон охранники. И опять торчат автоматы, и опять зло лают собаки. Начали открывать «купе». Отвратно стучат решетки, выпус- кают узников. Громко считают «братва»-преступников», наот- машь ударяя каждого в спину...

«Раз! Два! Живее! Живее! Твою мать... Три! Четыре!

«У вагона на короточки! Садись! Руки за голову!

«Сест! Кому сказано... твою мать!

«Больно! — кричит кто-то, про- бегая по вагону.

«Его бьют еще сильнее. Господи! Неужели и меня заста- вят бежать конвоиры из Вороне- жа?

«Звездный мальчик», убегая, крикнул мне:

«Валентина, счастливо!

«Ну вот, только успели привык- нуть к вам, как новых придется везти, — сказал прапор, открывая меня.

«К тем тоже привыкнете.

«Много вас, очень много, — сказал прапор и хлопнул пуши- стыми ресницами.

«Всего хорошего, — попроща- лась я.

«До свидания, — ответил пра- порщик.

«Никаких свиданий, — возра- зила я. Очень серьезно возрази- ла, почти приказала. И мы рассме- ялись.

Валентина Малявина

Терпи и верь!

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Валентина МАЛЯВИНА в нача- ле своей кинокарьеры.

Огромные, в пол-лица, глаза. Хруп- кий излом фигуры. Трогательность и беззащитность, сквозящие в каждом взгляде, в каждом взмахе ресниц... Та- кой запомнилась мне Валентина Ма- лаявина еще по первым своим, теперь уже бесконечно давним ролям. И вот она у нас в редакции с рукописью своей ра- боты, и есть возможность задать хотя бы пару беглых вопросов...

— Я знаю, что вы начали сниматься в кино и работать в театре еще студен- чий.

— Да, уже на первом курсе театраль- ного училища я снялась в «Ивановом детстве» Андрея Тарковского. На втором меня пригласили в Театр Ленинского комсомола, которым тогда руководил Анатолий Эфрос. Когда перешла на чет- вертый курс, позвали в Вахтанговский театр, очень близкий мне по своей эс- тетической программе. Это было заме- чательное время, которое я до сих пор вспоминаю с нежностью.

— Я хорошо помню ваши работы в те- атре и особенно в кино: «Красную пло- щадь», «Король-Олень», «Туннель», «Ночной звонок», «Мимо окон идут по- езда»... Потом вы надолго исчезли с эк- рана. Об это трудно спрашивать, но я знаю, что вы были осуждены на ли- тельный срок...

— Да, я была приговорена к девяти го- дам лишения свободы. Отсидела ровно половину срока. Меня арестовали и об- винили в умышленном убийстве актера Станислава Жданько, с которым у нас была любовь и который погиб при тра- гических обстоятельствах. Говоря язы- ком юристов, он умер в результате са- моранения. Примечательно, что меня арестовали и осудили пять лет спустя после произошедшей трагедии. Впро- чем, подробно об этом в рукописи, ко- торая у меня в руках...
— Последний вопрос: как ваши дела

сегодня, после тяжелого заключения?

— Потихоньку возвращаюсь к жизни. Не- давно мне присвоили звание заслужен- ной артистки России. В последние годы снялась в нескольких фильмах, в том числе в «Осенних соблазнах» Владимира Грамматикова. За роль в этой картине получила приз на фестивале «Женский мир» в Набережных Челнах. С удовольствием работала в «Арт-центре» под руководст- вом Прудких. В последнее время меня все больше тянет не только на съемочную площадку или на сцену, но и к письмен- ному столу. В одном из последних номеров журнала «Искусство кино» опублико- вала воспоминания об Андрее Тарков- ском. С огромным интересом и усердием работаю над книгой «Услышь меня, чистый сердцем!», фрагмент из которой предлагаю читателям моей любимой га- зеты «Труд».

Вел беседу Леонид ПАВЛЮЧИК.

Портрет Станислава ЖДАНЬКО, сделанный рукой Малявиной в то время, когда они были счастливы вместе...

хотел и полна душевных сил.

«Прощу Вас, дорогой Михаил Сергеевич, переменить мою судьбу и помочь юристам прин- ять единственно правильное решение.

«С искренним уважением — Валентина Малявина. Январь 1986 года».

«Читал ли Михаил Сергеевич мое письмо? Конечно, нет. Некогда, дел наиважнейших очень много. Но если бы он не стал главой партии, вряд ли бы мне сняли со срока такое количество лет.

«Перестань сейчас же! Началь- ника позовем!

«Не надо! — лаконично возра- зила я.

«В вагоне стало благоустроен- ное. «Ребятки» не орут, а покуривая, «гургурят», солдатик-таджик успо- коился и прохаживается туда- сюда, а «звездный мальчик» поет: «В траве сидел кузнечик, и съел он огурчик, зелененьким он стал». Конвоир - таджик заинтересова- лась:

«Юрочка, что ты поешь? Разве может кузнечик съесть огурчик?»

«Может, — убежденно ответил Юра.

«Он не ест огурцов, — возра- жает солдатик.

«Тогда Юра рассудительно объ- яснил:

«Как ты не понимаешь? Все очень просто. Я — Кузя. Я — куз- нечик, потому что Кузнецов я. И вот я, Кузя, сижу в траве и ем огу- рчик. Что тут непонятного?»

«А-а-а... — протянул солдатик. И вдруг Юрочка очень серьезно куда-то в пространство:

«Непонятно единственное: как я стал зелененьким?»

«Я расхохоталась до слез.

«Наконец мы поехали. Как хочет- ся посмотреть в окно! Окна в ко- ридоре есть, но покрашены тол- стым слоем серой краски. Ничего не увидишь. Почему мы там, на воле, мало внимательны к красо- те?»

«Снова листаю свои записи. Со- лдатик-таджик, улыбаясь, погла- дывает не меня:

«Что читаешь?»

«Необходимое.

«А-а-а...»

«Чуть отошел и резко бросил мне скользящий листочек. Я мигом подобрала его. Развернула. Пись- мо от Дмитрия, того, с прекрас- ным взглядом.

«Милая Валентина!

«Счастлив, что увидел тебя. Прежде видел только в кино. На этапе в «персылках» много слышал о тебе. Как и многие, почитаю тебя всем сердцем. Я закончил философский фа- культет Ленинградского уни- верситета. Арестовали в Мос- кве в день моего рождения в ресторане «Прага» из-за дым- чатого огромного топзаса. Судьба порою выписывает по- разительные события.

«Знаю, что ты едешь на по- селение. Береги себя, родная. Твоя звезда стоит высоко. Я верю в тебя и твою звезду. К тебе очень подходит вот это: «Безоглядная и беззащитная в любви, торжествующая, даже победоносная в поражениях, ты подобна восстающей из пепла птице Феникс или мор- ской волне, что разбивается о камни и неизменно возрожда-

«Я тебя знаю. Ты мне нравишь- ся. Дай Бог тебе всего прекрас- ного! — успел сказать он мне.

«Когда я проходила мимо малю- лекто, они норовили дотронуться до меня. Конвоиры били их по ру- кам, а они все равно тянулись... На обратном пути к своему «купе» я задержалась около человека с выразительным взглядом, успела дать ему руку и спросить, как зо- вут.

«Дмитрий, — улыбнулся он кра- сивой улыбкой.

«Конвоиры не на шутку рассер- дились на меня:

«Перестань сейчас же! Началь- ника позовем!

«Не надо! — лаконично возра- зила я.

«В вагоне стало благоустроен- ное. «Ребятки» не орут, а покуривая, «гургурят», солдатик-таджик успо- коился и прохаживается туда- сюда, а «звездный мальчик» поет: «В траве сидел кузнечик, и съел он огурчик, зелененьким он стал». Конвоир - таджик заинтересова- лась:

«Юрочка, что ты поешь? Разве может кузнечик съесть огурчик?»

«Может, — убежденно ответил Юра.

«Он не ест огурцов, — возра- жает солдатик.

«Тогда Юра рассудительно объ- яснил:

«Как ты не понимаешь? Все очень просто. Я — Кузя. Я — куз- нечик, потому что Кузнецов я. И вот я, Кузя, сижу в траве и ем огу- рчик. Что тут непонятного?»

«А-а-а... — протянул солдатик. И вдруг Юрочка очень серьезно куда-то в пространство:

«Непонятно единственное: как я стал зелененьким?»

«Я расхохоталась до слез.

«Наконец мы поехали. Как хочет- ся посмотреть в окно! Окна в ко- ридоре есть, но покрашены тол- стым слоем серой краски. Ничего не увидишь. Почему мы там, на воле, мало внимательны к красо- те?»

«Снова листаю свои записи. Со- лдатик-таджик, улыбаясь, погла- дывает не меня:

«Что читаешь?»

«Необходимое.

«А-а-а...»

«Чуть отошел и резко бросил мне скользящий листочек. Я мигом подобрала его. Развернула. Пись- мо от Дмитрия, того, с прекрас- ным взглядом.

«Милая Валентина!

«Счастлив, что увидел тебя. Прежде видел только в кино. На этапе в «персылках» много слышал о тебе. Как и многие, почитаю тебя всем сердцем. Я закончил философский фа- культет Ленинградского уни- верситета. Арестовали в Мос- кве в день моего рождения в ресторане «Прага» из-за дым- чатого огромного топзаса. Судьба порою выписывает по- разительные события.

«Знаю, что ты едешь на по- селение. Береги себя, родная. Твоя звезда стоит высоко. Я верю в тебя и твою звезду. К тебе очень подходит вот это: «Безоглядная и беззащитная в любви, торжествующая, даже победоносная в поражениях, ты подобна восстающей из пепла птице Феникс или мор- ской волне, что разбивается о камни и неизменно возрожда-

«Слышал, что суд над то- бой был неправый, замешан- ный на нарочном непонимании. Опять же — это трудности твоих судей. Не твои. Предназна- чение твое с ними не связано. Поверь, ты наделена божес- твенной силой. Это большое доверие и большая ответ- ственность. Ты у меня в памя- ти останешься вечно сияющей, буду помнить тебя, пока живу.

«Насегда твоя — Дмитрий».

«Господи! Спасибо тебе! Хоро- шо-то как! Меня окружают инте- ресные люди! Казалось бы, это невозможно в моих условиях. Сла- ва Богу — возможно!

«Я быстро напишу ему.

«Не надо. Не передам.

«Миленький, ну пожалуйста. Я хочу поблагодарить его за дивное письмо.